

рируется расположение этого поселения относительно сети дорог, а также объем и состав производства, характерного для этой местности (по данным археологии и палеоботаники). Помимо этого описание включает в себя детальный топографический анализ поселения и эволюцию его во времени, библиографию, касающуюся данного поселения, и примечания о состоянии археологических исследований этого пункта на данный момент (ведутся ли там раскопки). Книга снабжена обширной библиографией и топографическим указателем.

Работа Б. Хамарнех представляет собой весьма полезную сводку материала по истории византийской деревни на Ближнем Востоке, вводит в научный оборот значительный пласт новых данных, который во многом корректирует общепринятые представления о судьбах сельских поселений в исследуемом регионе.

А.В. Громова

Thierry N. La Cappadoce de l'Antiquité au Moyen Age. Turnhout: Brepols Publishers, 2002 (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive, publiée par l'Association pour l'Antiquité tardive. 4). 316 p.

Почти 80 лет назад о. Г. Жерфаньон, первый исследователь подземных церквей Каппадокии, назвал ее “новой провинцией византийского искусства”, отсылая тем самым читателя к известной книге И. Стжиговского о “новой стране истории искусства” – Малой Азии (1902). С тех пор Каппадокия перестала быть “новой”, и это в немалой степени благодаря интенсивной исследовательской работе Николь Тьерри, которую она ведет в течение почти полувека. Среди ее множества публикаций – пять монографий (первая из них – в соавторстве с Жан-Мишелем Тьерри, совместно с которым были осуществлены почти все экспедиции), которые составили целую эпоху в изучении Каппадокии. Важная черта этих работ – их скорее публикационный, нежели интерпретационный характер, связанный с открытием большого количества ранее неизвестных памятников и созданием обширной базы документов. Последнее важно еще и потому, что немало фресок с тех пор или утрачены, или их состояние заметно ухудшилось, так что опубликованная Н. Тьерри документация приобрела значение ценного источника. Последняя книга Н. Тьерри – особая: на этот раз читатель находит именно интерпретацию, синтез, подведение итогов. Византийская Каппадокия представлена как результат длительного развития предшествующих цивилизаций. Данная книга – редкий случай, когда автор-византинист устремляется вглубь веков, через римскую эпоху и эллинизм, вплоть до времени империи хеттов. Этим древним периодам посвящены первые главы, которые предваряются заметками об исторической географии, геологии и природных условиях региона. Главное в исследовании Н. Тьерри – исторический подход, стремление показать последовательную и связную картину преемственности эпох на одной и той же территории, подчеркнуть римскую основу византийской культуры региона. Длительное сохранение мотивов хеттских мифов (некоторые из них дожили до средних веков), эллинизация и романизация местной элиты, широкие связи с соседними районами Месопотамии и Закавказья – все эти и другие факторы сформировали особенный облик византийской цивилизации в Каппадокии. Уже ставший классическим пример – почитание св. Евстафия, которое имело своим предшественником широко распространенный (от хеттской эпохи до римской) культ оленя в Анатолии. Исследовательской манере автора присущи аргументы конкретные и предметные; из массы материала она выбирает сопоставления близкие, ясные, четкие. В частности, на протяжении всей книги Н. Тьерри умело пользуется данными нумизматики, оценив и точность хронологии, и изобразительные достоинства, присущие этому богатому материалу. Превосходные (с увеличением) фотографии дают представление и о мелких реалиях (одежда, головные уборы, атрибуты), и о пластических достоинствах этих произведений малых форм. Описание широко распространенных в регионе монументальных подземных гробниц римского времени (гл. IV) готовит читателя к последующему рассмотрению подземных церквей. Некото-

рые гробницы были открыты самими Н. и Ж.-М. Тьерри. Здесь автор выступает как археолог-античник.

В главе V (“Язычество в Каппадокии”) показано разнообразие местных культов и их отражение в прикладном искусстве и скульптуре, в нумизматике и эпиграфике. В ряде случаев важные свидетельства дают расписные гробницы. Глава VI (“Христианизация Каппадокии”) служит переходом к средневековой части книги. В ней рассматриваются распространение христианства, основание церквей в Армении и Кесарии, арианская ересь в регионе, христологические споры (несторианство, монофиситство), культ солдат-мучеников, язычество в уже христианской Каппадокии (на примере Юлиана Отступника) и другие вопросы. Используются здесь и различные письменные источники, в том числе сочинения отцов Церкви, жития местных святых.

Основной раздел книги (“Средние века”) открывается обширным очерком “История византийской Каппадокии”, начиная с доарабской эпохи и заканчивая периодом упадка провинциальной власти. Следующие две главы посвящены церковной архитектуре и скульптурному декору. Как и всюду, в ранневизантийское время основными типами здесь были базилика и сооружение с центральным планом, а в средневековую эпоху преобладают типы “свободного креста” и “вписанного креста”; встречаются также некоторые специфические разновидности, обусловленные скальным характером построек. Система архитектурного декора включает здесь арки, аркады, фронтоны, капители; среди сюжетных мотивов важнейшее место занимает крест, встречаются также ветхозаветные сцены (Даниил во рву львином, Вознесение Илии), изображения отшельников и др.; здесь же рассмотрены реликварии и другие литургические устройства. Собранные воедино, все эти материалы, обычно рассеянные в разных публикациях, рисуют впечатляющую картину своеобразия строительных традиций региона.

Основные разделы книги посвящены живописи. Автор начинает с трудной проблемы – установления хронологии, поскольку богатейший корпус каппадокийской живописи содержит мало точных хронологических показателей, особенно для самого раннего периода. Давно начатые споры о датах продолжают поныне. М. Рестле в свое время предложил более поздние датировки, чем другие исследователи; в некоторых случаях уточнения в хронологию внесла К. Жоливе-Леви. Основная идея Н. Тьерри, которую она отстаивает и в других своих работах, – существование в Каппадокии значительного и явственно опознаваемого пласта доиконоборческой живописи. В главе X ею дана ее общая классификация. К первому большому периоду Н. Тьерри относит ранневизантийские, доиконоборческие и иконоборческие памятники (VI – первая половина IX в.). Второй период доведен ею до “века, который следует за иконоборчеством” (вторая половина IX – первая половина X в.). Третий период она датирует второй половиной X в. и первыми десятилетиями XI в. (эпоха Никифора II Фоки, Иоанна I Цимисхия и Василия II). Затем количество памятников возрастает вплоть до конца XI в., когда в регион приходят турки-сельджуки. После “мертвой эпохи” XII в. “греческие общины приняли участие в экономическом обновлении турецкого общества XIII в.”, но относящиеся к этой группе памятники немногочисленны. Интересны цифровые оценки автора: к доиконоборческому периоду можно отнести 15% сохранившихся памятников, к ним добавляются редкие примеры иконоборческой эпохи; послеиконоборческая живопись представлена 35%; ко второй половине X в. относится от 10 до 15%, к XI в. – от 25 до 30%, а “время обновления” (XIII в.), т.е. уже при сельджуках, насчитывает от 10 до 15% общего количества известных памятников. Конечно, эти оценки приблизительны и различны в разных районах. Особую трудность представляет классификация живописи до X в.: росписи не содержат точно датированных посвященных надписей, мало и близкого сравнительного материала. В некоторых случаях ранние датировки памятников живописи можно обосновать, сравнивая их с декором римских гробниц и ранневизантийских церквей, находящихся на той же территории (с. 110–111).

Доиконоборческой живописи посвящена глава XI. Изложение подчинено здесь иконографическому принципу. Среди типичных композиций этого периода – “теофанические видения”, чаще всего в апсидах, но иногда в куполе или на потолке. Еще о. Жерфаньон классифицировал изображения Христа на троне, в окружении апокалиптических символов, в качестве основного признака “архаической” группы. Позже их подроб-

но изучила К. Жоливе-Леви (1991). Общее число таких композиций – около 30, их наиболее ранняя группа, по мнению Н. Тьерри, была выполнена в VI–VII вв. Далее рассматриваются христологические и мариологические сцены, серия различных вотивных изображений, в том числе крестов, которые играли исключительную роль как в живописи, так и в скульптуре Каппадокии. Как особый случай представлена иконографическая программа церкви столпника св. Никиты, отличительной чертой которой является триумфальное Распятие. И в этой главе автор опять возвращается к сложной проблеме хронологии, выделяя две группы памятников: ранневизантийскую (VI–VII вв.) и особо – так называемую “раннесредневековую” (VII–VIII вв.). Наряду с иконографическими признаками автор рассматривает и стилистические: схематизацию, упрощение трактовки человеческих фигур в сравнении с развитыми орнаментальными композициями, в чем, по мнению Н. Тьерри, проявляется “нарастающая ориентализация византийского искусства” (с. 133).

Глава XII посвящена живописи иконоборческой эпохи – вопросу, издавна дискуссионному. Особо рассмотрены здесь изображения креста, культ которого существовал и в доиконоборческую эпоху, но настоящий его расцвет был связан с иконоборчеством. В этой главе исследуются несколько ключевых памятников. Автор обращает внимание на “расхождение между традиционным религиозным мышлением и официальным выражением”, показывая это расхождение на примере церкви Япрахисар (Давулу Килисеси).

Дальнейшее изложение также построено по хронологическому принципу. Из почти сотни церквей послеиконоборческого периода около сорока сохранили росписи, которым посвящена глава XIII. Здесь подробно рассмотрены различные иконографические циклы. Среди стилистических особенностей выделены те, которые связаны с македонским Ренессансом. Выражением “время свободы” (с. 152) Н. Тьерри характеризует свободу художника и заказчика по отношению к традиционной системе религиозных образов и связанное с этим обновление иконографического репертуара. Особо рассмотрена при этом композиция Страшного Суда в его “сложном варианте”. В самостоятельную группу выделены важные церкви середины X в. (гл. XIV): Токали II и церковь Никифора Фоки (“Голубятня”) в Чавушин. Живопись конца X–XI вв. служит сюжетом следующих двух глав. Одно из важных изменений этого периода – появление среди заказчиков анонимных представителей “среднего класса” (торговцев, ремесленников). Отдельная глава посвящена монастырским комплексам и жилищам отшельников; здесь обсуждается дискуссионный вопрос об определении некоторых комплексов в качестве жилых (Р. Остерхут) или монастырских, как считает Н. Тьерри. Глубоким изменениям XII–XIII вв., которые были вызваны утверждением в Каппадокии сельджуков, посвящена глава XVIII.

В Заключении автор формулирует те характерные черты, которые создают феномен искусства Каппадокии: особый характер местной религиозности; преемственность традиций от одной исторической эпохи к другой; отличительные черты погребальных обычаев; исключительная популярность некоторых святых в регионе, в особенности святых воинов-всадников (Георгия и Феодора, а также Евстафия); характерные элементы культа Христа и Богоматери, Иоанна Крестителя, ангелов. Осуществленный Н. Тьерри анализ позволил ей сделать вывод, что Каппадокия внесла значительный творческий вклад в формирование византийской иконографии.

Монография имеет ряд полезных приложений: библиографию, указатели (географический, именной и иконографический), общий указатель памятников с их датами и целую коллекцию карт. Интересная деталь книги – наличие в ней серии особых “досье” наиболее важных памятников, каждое из которых включает описания, чертежную и фото-документацию. Книгу завершает краткое английское резюме.

Работа Н. Тьерри была задумана как широкий синтез, и это вполне удалось. Можно сказать, что это краткая энциклопедия культуры и искусства не только Каппадокии, но и Византии в целом и соседних стран Закавказья. Особо следует сказать об иллюстрациях. Они многочисленны (в целом около 700), разнообразны и не просто “иллюстрируют” книгу, а являются важнейшей частью ее содержания. Качество фотографий исключительное, некоторые являются не только документами, но и произведениями фото-искусства, например, панорамные виды памятников на фоне ни с чем не сравнимых

пейзажей Каппадокии. Заслугой бельгийского издательства “Бреполь” является превосходное полиграфическое качество. Редко можно видеть такую точную цветопередачу мягких и деликатных оттенков каппадокийской живописи (вспомним для сравнения книгу-альбом К. Жоливе-Леви, тоже о живописи Каппадокии, одновременно вышедшую в издательстве “Зодиак”, с ее или чрезмерно темными, или интенсивными красно-оранжевыми и резкими красками). В книге Н. Тьерри найдено удачное соотношение между текстом и изобилием иллюстраций, так что неуклюжее выражение “оригинал-макет” (он, кстати, выполнен самим автором) как-то плохо подходит к этому красивому изданию, отмеченному печатью вкуса и изящества.

Несколько слов о “Библиотеке поздней античности”, в которой опубликована книга. Эта новая серия является приложением к журналу “Поздняя античность”, который выходит с 1993 г. под руководством проф. Н. Дюваля. Журнал известен и византинистам некоторыми своими выпусками, например, о Прокопии Кесарийском и его сочинении “О постройках”. Что касается приложений к журналу, то оба уже вышедших тома посвящены христианскому Востоку: один – раскопкам в Хирбет эс-Самра в Палестине, другой – церквам Иордании византийской и омейядской эпох. С выходом в свет книги Н. Тьерри хронологические рамки этой позднеантичной коллекции значительно расширены, и сделано это ради того, чтобы нарисовать широкую и целостную историческую картину многовековой культуры одной из византийских провинций.

Л.Г. Хрушкова

Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В.В. Кучма. СПб.: “Алетейя”, 2002. 412 с.

В.В. Кучма опубликовал давно ожидаемую книгу. В самом деле, вряд ли кто-либо сомневался, что крупнейший знаток военного искусства Византии хранит в столе свои переводы трактатов из сокровищницы полемологической мысли империи. Тем более что исследователь уже показывал некоторые плоды переводческих усилий – “Νόμος στρατιωτικός”¹ и “Стратегикон” Маврикия (во фрагментах)². Настоящее издание вместило два трактата, датируемых концом X в., – “О боевом сопровождении” и “Об устройстве лагеря”. Каждому тексту предпосланы обширные введения, созданные на основе ранее опубликованных статей. Важное место занимают подробные комментарии, в которых автор продемонстрировал эрудицию, выходящую далеко за пределы военной проблематики.

Во вступительном разделе к трактату “О боевом сопровождении” В.В. Кучма уделил пристальное внимание правильному пониманию смысла названия, кроющегося в понятии *λαραδρομή*. Подвергнув критике предложенные многими исследователями варианты интерпретации, автор предлагает тот, который, по его мнению, максимально адекватно соответствует замыслу автора трактата: “О боевом сопровождении”, а в узко специальном смысле даже “Трактат о конвоях” или “регламент о конвоях” (с. 14).

Сложнейший вопрос об авторстве трактата рассмотрен исследователем с максимальной полнотой и объективностью. Критический обзор мнений ученых, пытавшихся связать текст с именами конкретных исторических персонажей, – императора Никифора II Фоки, полководца Никифора Урана, Льва Фоки – привел В.В. Кучма к убеждению, с одной стороны, в несомненной полезности предпринятых усилий, углубивших анализ всего комплекса проблем “*De velitatione bellica*”, но, с другой стороны, и одновременно – в их полной бесплодности. В самом деле, ни в одном случае выдвинутые аргументы, при всей их оригинальности, не могут быть сочтены убедительными. В связи с этим вполне

¹ Кучма В.В. ΝΟΜΟΣ ΣΤΡΑΤΙΩΤΙΚΟΣ (К вопросу о связи трех памятников византийского военного права) // ВВ. 1971. Т. 32. С. 276–284. Переиздано: Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 243–258.

² “Стратегикон” Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 364–393.